

Алла Гудзенко

«Думаю, хватит пока...»

Перемена курса

На Книжке царит возбужденное хищное оживление.
В рядах появились лица и типажи из раньшего времени.
Явно менялы-родоночальники вышли на прииски.

Посмотреть, как тут их мальчишки-подмастерья справляются с идущими на нерест гривнедержателями.

Отметавшие цветные бумажки распихивают по нательным нышпоркам зелень и уходят, просветлев лицом.

– Книжка, Книжкой, на Книжке, – склоняет сегодня город.

Применительно языка поисковиков самый высокочастотный запрос дня.

Из дорогой машины нетоптаной кожаной подошвой модельного туфля ступает на грязный тротуар чувак. Типаж – из деловых старой формации (смотри-ка, а казалось, нет здесь уже таких). Весь устремлен к Книжке.

– Я быстро, пять минут. Узнаю, что в мире делается, – кидает спутнику в длинном кашемировом пальто.

В Центре гасят свет – накрыло веером.

Книжка торгует. Свои фонари, не казенные.

– Пое*ошу еще полчаса, – спортивный меняла бьет по ладони пачкой многонулевых гривен.

Пачка толщиной с отрывной календарь в начале карьеры.

На одесской валютной бирже, Книжке, – страда.

Пы сы: А ханжа Гугль уверяет, что знает только одесскую фондовую биржу.

Ты бач, вся Одесса интересуется, почем нынче доллар на Книжке, а Гугль из себя строит...

Если бы я был разведчик

Если бы я был разведчик, я бы закопал парашют в лесу и поехал бы на такси в парикмахерскую.

Таксист по дороге очертил бы мне первый круг международной и городской проблематики.

В парикмахерской под лязг ножниц и жужжание веретена проступают общие черты экономического состояния дел.

Маникюрша дополняет обзор пикантными деталями из жизни мелкого среднего класса.

По-местному модный, прибываешь ты на базар. И получаешь индекс борща-бутерброда без всяких вербовочных обременений.

А где же твой холодильник для закупок, шпиён?

Он или у дамочки, на которую нужно время, чтоб ее найти.

Или у маклера. Которому надо позвонить, и он сам к вам подъедет, чтобы подойти туда, где вам все подойдет.

Заодно ты уже в курсе цен на недвижимость и перспективы рантье́рства.

То есть ознакомлен с видами на стабильность в этом сезоне.

После этого ты включаешь телевизор и местный Интернет и за два часа обзора новостей понимаешь, кто кому доктор. И кто кого от чего лечит. И как дорого берет за услуги.

Для закрепления материала пользуешься телефоном на полях самого правдолюбивого новостного ресурса.

И приглашаешь-таки дамочку. Теперь ты уже в курсе общей температуры по больнице.

С ценой тебя не наколют. Ни на профуслуги, ни на новости.

Главное теперь – не забыть парашют.

...И о брильянтах

Грузинская пекарня «Вах!» на Привозе.

Из тандыра мечут на деревянные лотки теплые шоти, хачапури, плацинды. Пахнет. Грузная женщина в свитере с катышками укладывает круглую лепешку в бумажный пакет. Поверх свитера – белый передник с карманом. Туда погружают мелкие базарные деньги за хлеб.

– Ваню! – мотнув головой, женщина зовет паренька-помощника. В ухе мотнулась серьга. Две серьги, по числу ушей.

Брильянты. Подвески из четырех закрепленных один за другим камней.

Хорошие камни – не менее четверти карата каждый. Старого оттенка золото. Советский ювелирный стиль, монументальный и добротный, как сталинский ампир.

Ожидаемая вслед за такими серьгами «маркиза» на пальце. В руках – засаленная стопка двугривенных купюр.

– Приятного аппетита! – приветливо отдает мне провизию и сдачу.

Отворачивается, снова мотнув брильянтами.

Как же это по-южному! Фонтанские пляжи, где среди бела дня одесские дамы сверкали мастерством своих ювелиров (и мужей).

Одесские семейные застолья, гастроли в театрах, не говоря уже о выйти на базар, толчок или стройрынок: ну а как там будут знать, с кем дело имеют? Шо перед ними не какая-то, а приличная дама. Из приличной семьи с брильянтами.

Когда одну мою знакомую девушку шли сватать, мать невесты, наметав на стол, поспешила дополнить картину приличного дома бабушкиными брильянтами в своих ушах. Как же! Сваты – капитанская семья, а капитанские жены... ну, все знают. Надо же вид иметь!

Когда зимой этого года слово «война» только нашупывало до рогу в мозг и жизнь мирного обывателя, паникой снесло не одну крышу. По-разному это выглядело – кто скакал, кто покрывал свой светлый лик в Сети сплошным черным крепом (и этим черным квадратом ходил в гости к другим черным квадратам), кто по старинной привычке продуктами затаривался. Непривычное ведь для нас это было дело – война. Незнакомое. О том, как себя вести, только из книжек знали.

И вот после одного из тех зимних заполошных медийных ахтунгов встречаются на улице две дамы.

Две дамы с вековой (на двоих) одесской генеалогией, с дедов-прадедов.

– Ты видела, што они пишут? Они же пишут, что всё, ужас-ужас!

– Да не говори! Мне тоже сказали, что завтра все начнется!

– И шо?

– Ну, я вчера с Колей сходила на базар. Взяла три курицы, разобрала на части, разложила по морозильникам. Потом у меня с лета еще закрутки, соленья. Думаю, хватит пока.

– От ты интересная! На сколько, если что, хватит три курицы? Но я тоже, правда, красotka.

– А что-что?

– Ну, вчера прямо вот знаешь, так страшно было. Вдруг представила – война, бомбы падают, надо бежать из дома, спастись. И тут я такая вспомнила: надеваю на себя все свои брильянты – серьги, пару колец. И так, во всех брулянтах, иду спать. Если шо – все мое с собой.

– Ааа! – хватается за уши вторая дама. – А я и так все время в них хожу. Но и курицы, знаешь, не лишнее.

Ничего не лишнее. Южные дамы всегда знали толк в жизни. Куда птицу разложить, куда камни надеть.

А что в пекарне брильянты, например, не сверкают так празднично, как в бархатной ложе театра, – так зато все равно умному достаточно.

Щебечи!

– Почему ты не щебечешь?

– Потому что ты меня не слушаешь.

– Слушаю-слушаю. Вот: «А она ему говорит...».

– Да, так вот. Помнишь, когда мы были у Коли на дне рождения, у мужа Люды, которая двоюродная сестра папы... у них сын устроился недавно в хорошую контору, и теперь ищет подрядчиков. Он тебе еще не понравился. Симпатичный такой, высокий парень. Я вас, вообще-то, уже знакомила, у Милы на свадьбе, когда в «Бристоле» гуляли. Помнишь, когда мы к ним должны были ехать, я тебе еще не ту рубашку погладила. Не ту, что я тебе в «Европе» купила, а которую твоя мама подарила на прошлый Новый год. Ты еще сказал, что эту только к ним надеваешь, потому что она обидится. А если ее так таскать, то она истреплется моментально. А ты не хочешь, чтоб она обижалась.

– Стой. Кто?

– Что – «кто»?

– Кто «она» обидится?

– Аа... Ну твоя же мама. Не перебивай меня. Так вот...

Шли известным прогулочным маршрутом. Привычно приносив шаги, огибали встречных прохожих. Лепные маскароны улыбаются с кокетливых поблекших фасадов. Булыжной мостовой шуршали шины. Звуки складывались в привычный и спокойный фон. Как в детстве – когда ты чего-то возишься в своей комнате, а из-за стены слышен родительский разговор, включенный телевизор и дальний чайник на кухне. И все эти звуки, сплетенные в твой уют, означают безопасный и добрый мир. Мир любит тебя. И ты уверен в нем.

Но... кажется, что-то не так? Чего-то не хватает.

И внезапно потянул холодный сквозняк.

– ...

– Почему ты молчишь?

– Ты меня не слушаешь. И не надо вот этих фокусов с повторением последней фразы. Все мы были студентами. И прекрасно помним, что это делается на автомате, не приходя в сознание. Кому я рассказываю?

– Мне. Не молчи, пожалуйста. Когда ты молчишь, мне тревожно. Я думаю: «Что, поломалась?!».

– Я тебе канарейка, да?

– Нет. Но ты щебечи, щебечи. Я, правда, слушаю.

